

Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: golovko@philosophy.nsc.ru

НАТУРАЛИСТИЧЕСКИЙ ПОВОРОТ: ПЕРВИЧНОСТЬ МЕТАФИЗИКИ

В работе приведен ряд примеров, демонстрирующих преимущества рассуждений с точки зрения натуралистических представлений при анализе классических постановок скептического аргумента: неопределенность указания в рамках семантического приоритета, неопределенность и релятивизм онтологических допущений как следствие принятия во внимание проблемы недоопределенности теории данными и конструктивистских представлений об онтологии.

Ключевые слова: натуралистический поворот, скептицизм, семантический приоритет, недоопределенность, конструктивизм, реализм.

Цель работы – иллюстрация одной из ключевых особенностей натуралистического поворота – способность «поставить метафизику вперед» в ходе аргументации против скептицизма (М. Девиэт). Скептический аргумент начинается с фиксированной «пропасти» (сознание – реальность, чувственный мир – ноуменальный, термин – референт и т. д.) и является «неразрешимым» в силу направления аргументации – от априорных эпистемологии или семантики к метафизике. Натуралистический поворот дает возможность построить аргументацию наоборот, – от эмпирической метафизики к эмпирической эпистемологии или семантике, и тем самым заблокировать большую часть скептической аргументации. Приведен ряд примеров, демонстрирующих преимущества рассуждений с точки зрения натуралистических представлений при анализе классических постановок скептического аргумента: неопределенность указания в рамках семантического приоритета, неопределенность и релятивизм онтологических допущений как следствие принятия во внимание проблемы недоопределенности теории данными и конструктивистских представлений об онтологии.

Натуралистический поворот

Аналитически настроенная философия переживает натуралистический поворот. Говоря «аналитическая», мы в данном случае, естественно, имеем в виду аналитическую по типу, в определенном смысле, традиционно противопоставляемую феноменологической, континентальной. Интерпретация «натуралистического поворота» также может вызывать затруднения у читателей. Мы предполагаем, что под натуралистическим поворотом можно понимать процесс выстраивания натуралистического понимания философии в целом, отправной точкой которого является натурализованная эпистемология. У. Куайн изменяет традиционный вид философии, начиная с отрицания априорного знания (см., например: [Куайн, 2003]). В настоящее время натурализованная философия, по сути, превращается в редуктивную метафизическую доктрину (см., например: [Ladyman, 2009]), основной максимой которой можно считать утверждение, что единственно приемлемый подход к получению знания это тот, который применяется современной наукой. «Знание» в данном случае отражает весь комплекс

философских построений и в отношении знания как такового, и его объекта. В частности, для любой области знания предполагается наличие ее натурализованного аналога, включающего в себя допустимые эпистемологические и семантические процедуры, онтологические допущения и т. д. Например, если областью знания выступают физика, биология или эпистемология, то можно говорить о натурализованной физике, натурализованной биологии и натурализованной эпистемологии, ненатурализованными аналогами которых, скажем, соответственно будут – физика Аристотеля, креационизм и Первая Философия.

Естественно, научный метод не обязан выступать единственным «основанием натурализации», т. е. заранее выбранным методом получения знания, который мы полагаем как достоверный. В общем случае (см., например: [Kitcher, 1992]) от натурализованной философии в целом мы потребуем: отрицания априорности Первой Философии (У. Куайн), «возвращения психологии» (Ф. Дретске) и превращения эпистемологии в методологию (Л. Лаудан). Все это будет необходимо ввиду очевидных преимуществ, которые дает переход к анализу классических проблем в натурализованной перспективе, – «нерешаемые» философские проблемы, такие как скептический аргумент (Р. Декарт), соотношение феноменального и ноуменального миров (И. Кант) или референциальная пропасть (Х. Патнэм), находят свое оригинальное решение (см., например: [Devitt, 1997]). Конечно, выбор научного метода в качестве «основания натурализации» имеет свои соображения, но в то же время лингвистический поворот (Г. Фреге, Б. Рассел, Л. Витгенштейн) в каком-то смысле также является одним из вариантов натурализованной философии, только здесь в качестве подобного «основания» выступает логика.

Одной из характерных особенностей современного понимания роли и содержания процедуры натурализации является представление о том, что конструктивно натурализованные представления в философский дискурс можно ввести, только если допустить первичность онтологических построений по отношению к эпистемологическим или семантическим. Натуралистическая перспектива позволяет наглядно и по-новому проинтерпретировать классическое

представление о первичности метафизики, она дает возможность «поставить метафизику вперед» (М. Девитт). Отметим, что этот шаг не предусмотрен ни в одном из доминирующих в настоящее время глобальных философских проектов – ни в рамках лингвистического поворота, ни в рамках феноменологии, которая также в некотором смысле претендует на то, чтобы называться эмпирической, но в большей степени копирует все недостатки собственно аналитической философии. Следуя классической традиции (Платон), метафизические построения должны определять содержание всей философии. Однако именно априорный характер метафизики сначала стал причиной, например, критики Аристотелем теории идей Платона, а затем – причиной замены классически понимаемой метафизики различными суррогатами, выражением которых служат такие высказывания, как «существовать, значит быть значением переменной» (У. Куайн) или «явления таковы, каковыми обнаруживают себя вещи в данной практической ситуации» (М. Хайдеггер). Какие преимущества будет давать новый способ натурализации метафизики?

Разумеется, сам по себе тезис натуралистического поворота о том, что нам необходимы, например, редукция метафизики к научной онтологии или семантики к натурализованной семантике, не имеет решающего значения. Важно то, что следствием натуралистического поворота является возможность рассуждать именно «от метафизики» и то, какие преимущества это дает для опровержения скептического аргумента. Посмотрим на широко известные примеры того, как проблема скептического аргумента «решалась», например, в рамках эмпиризма и лингвистического поворота. Скептический аргумент (в том виде, как проблема ставится Р. Декартом или Д. Юмом) есть следствие первичности эпистемологической аргументации по отношению к онтологической. Мы рассуждаем от априорной эпистемологии к априорной метафизике и приходим к выводу, что метафизические построения обманчивы. Проблема указания (например, у Х. Патнэма) есть также следствие вторичности онтологических соображений по отношению к теперь уже семантическим. Убедившись в несостоятельности семантики, делаем вывод о несостоятельности метафизики. «Нерешаемыми» эти проблемы делает

именно направление аргументации. В то же время, теоретически, существует и другой способ рассуждений – от эмпирической метафизики к эмпирической эпистемологии или семантике. В каком-то смысле это возвращение к истокам, однако вместо априорной платоновской метафизики здесь утверждается первичность метафизики эмпирической, той, которая «мотивирована исключительно попытками унификации различных гипотез и теорий, которые составляют базис современной науки» [Ladyman, 2009. Р. 1]. Ниже мы приведем ряд примеров, наиболее ярко, на наш взгляд, иллюстрирующих то, насколько важно для философской аргументации возвращение метафизики на ее законное место.

Семантический приоритет

Без преувеличения семантический приоритет можно назвать современным воплощением идеалов лингвистического поворота. Следуя Ф. Макбрайду, сюда включаются требования: синтаксической определенности, наличия референциального механизма и, наиболее важное для нас, – лингвистического приоритета: «лингвистические категории предшествуют онтологическим» [MacBride, 2003. Р. 115]. Очевидно, это лишь следствия куайновского представления о существовании, и на фоне развития представлений о частичном указании (Х. Филд) или девидсоновских подходов к заданию значения, проблема указания не выглядит такой уж не решаемой, скорее наоборот, попытки решить ее свидетельствуют о реальном прогрессе в области философии. Что может вызывать подозрения?

Почему мы должны быть уверены в том, что данная конкретная теория указания действительно подходит для того, чтобы адекватно описывать, скажем, содержание архаичных представлений об эволюции человека или положении Земли? С точки зрения натуралистического поворота, философия является эмпирической наукой, и любая теория указания не может иметь какого-то особого статуса, – это лишь одна из множества эмпирических гипотез. В то же время эмпирические данные в пользу теории эволюции или отрицания исключительности Космического положения Земли говорят сами за себя. Следуя идеологии натуралистического поворота, мы должны использо-

вать эмпирически приобретенную метафизику как данные для эмпирического исследования теории указания, а не наоборот (от априорной семантики к априорной метафизике). Как следствие, любая теория указания, которая не соответствует современным научным представлениям, должна быть отброшена. Например, пусть у нас есть дескриптивная теория указания (М. Дамит). Теперь рассмотрим архаичные представления о происхождении человека. Очевидно, что дескрипции, которые люди ассоциировали с человеком: божественное происхождение, исключительное отношение к природе и т. д., с точки зрения современных представлений, ничему не соответствуют. Отсюда вполне закономерно (следуя, например, идеологии социального конструктивизма) может возникнуть вопрос: «говорят ли креационизм и теория эволюции об одном и том же человеке?» (аналогичным образом, «говорим ли мы об одной и той же Земле, когда сравниваем архаичные и современные представления о ее роли во Вселенной?»). С точки зрения натуралистического поворота, правильным ответом на него будет: «это проблема дескриптивной теории указания». Эмпирическая метафизика не нуждается в семантической теории, тем более, что обоснование этой теории намного сложнее, чем обоснование самой метафизики. Наоборот, эмпирическая метафизика – это основание для анализа семантической теории, которая тем самым становится вторичной по отношению к метафизике. Сам факт того, что у нас нет достаточно адекватных семантических средств для обоснования онтологических допущений, еще не является основанием, чтобы отрицать последние или считать их плохо обоснованными. Скептический аргумент, начинающийся с сомнения в адекватности семантической теории, не нацелен на метафизику.

Недоопределенность

В отличие от проблемы неопределенности указания в рамках семантического приоритета, постановка скептического аргумента, когда мы обсуждаем проблему недоопределенности теории данными, имеет не семантический, а, скорее, эпистемологи-

ческий характер (см., например: [Головко, 2007а; 2007б]). С точки зрения скептика, «любая теория будет иметь альтернативную, которая также хорошо подкреплена имеющимися эмпирическими данными». Как правило, подобные аргументы приводят к одной из форм антиреализма (см., например: [Laudan, 1981]). Однако почему мы должны принять неизбежность опровержения реализма в силу приведенного эпистемологического тезиса? Аргументация, с точки зрения натуралистического поворота, будет полностью аналогична приведенной выше.

Реализм в качестве эмпирической гипотезы о независимом от нас существовании как обыденных объектов (дерево), так и объектов, постулируемых научными теориями (электрон), и так обоснован в достаточной степени уже в силу принятого «основания натурализации» – специфического метода получения знания, который мы принимаем как достоверный. Вместо того чтобы использовать тезис недоопределенности как основание для опровержения реализма, логичнее, с точки зрения натуралистического поворота, использовать реализм (он более обоснован) как аргумент против тезиса недоопределенности.

Классический скептический аргумент (Р. Декарт) опирается на априорное представление о том, каким должно быть знание, причем представление о мире формируется как следствие заданных априорных представлений о знании (сначала очищаем сознание, а затем делается определенный эпистемологический шаг к миру). В данном случае, аргумент против реализма может строиться, например, по модус толленс, – если мир именно таков, как говорят реалисты (ставящие на первое место априорную метафизику, – те, например, с кем боролся Р. Декарт), то мы все равно не можем ничего знать о нем (именно в силу априорности метафизики), однако знание о мире возможно, а следовательно, та априорная метафизика, на которую намекают реалисты, ошибочна. Отметим, что данный аргумент имел бы силу, если бы у нас действительно были основания предполагать, что априорные эпистемологические установки могут играть особую роль. Однако, следуя У. Куайну, такой вещи, как «априорное знание», не существует. Отсюда мы не можем априорно

предположить, например, истинность тезиса, что любая теория будет иметь альтернативную, которая также хорошо подкреплена имеющимися эмпирическими данными, а значит, мы не можем предположить особую эпистемологическую роль априорно заданного тезиса об эквивалентности альтернативных теорий. Очевидно, следуя общей канве научного исследования, мы, наоборот, рассуждаем от эмпирической метафизики, эмпирически проверяем тезис об эквивалентности альтернативных теорий. В эмпирическом исследовании у нас нет проблем с тем, чтобы предпочесть одну из альтернативных теорий именно в силу амплиативного характера научного метода в целом. Естественно, могут быть ситуации, когда выбор между альтернативами затруднен, но это не значит, что *всегда* и *все* теории подвержены тезису об эквивалентности описания. Опровержение реализма возможно только в силу априорного задания эпистемологического тезиса, а это противоречит основной установке натуралистического поворота – отрицанию возможности априорного знания.

Конструктивизм

Анализ конструктивистской интерпретации скептического аргумента имеет ту особенность, что мы можем трактовать конструктивизм как с эпистемологической (И. Кант), так и с семантической (Т. Кун) точек зрения. Во всех случаях скептический аргумент строится аналогично приведенным выше аргументам – мы рассуждаем от того, каким знание или указание должны быть, к тому, каким должен быть мир.

Традиционно, эпистемологическую интерпретацию конструктивизма относят И. Канту. Для того чтобы спасти знание перед лицом картезианского сомнения, предпринимается попытка закрыть пропасть между познающим сознанием и вещью в себе и предполагается, что знание, по крайней мере частично, конструируется в сознании. Семантическая интерпретация конструктивизма является, например, следствием трактовки Т. Куна и П. Фейрабенда как прямых последователей лингвистического поворота. Говоря о терминах, мы априорно можем выбрать то, какое его свойство будет состав-

лять значение. Следуя рассуждениям, например, о конструктивном и определяющем характере парадигмы, для того, чтобы определить значение, мы должны описать то, как термин используется, как он был введен в теорию и какую роль играет, мы можем просто «увидеть» значение термина. В данном случае, конструктивизм будет следствием представления о том, что пропасть между сознанием и миром делает невозможной референциальную связь между ними, а мир, отвечающий принятой теории указания, является объективным лишь настолько, насколько мы сами его сконструировали. Приведенные выше рассуждения о постановке скептического аргумента в рамках семантического приоритета наглядно демонстрируют последствия, к которым может привести подобная семантическая интерпретация конструктивизма. Допустив возможность радикальной смены системы взглядов (научная революция по Т. Куну), мы действительно будем полагать, что термин «Земля» будет иметь различные референты, если априорно закрепим связь между референтом термина и различными дескрипциями, которые с этим термином связывает теория.

С точки зрения натуралистического поворота, обозначенный скептицизм является следствием излишнего доверия дескриптивной теории указания. Что можно сказать об эмпирическом обосновании дескриптивной теории? Очевидно, рассуждения У. Куайна в «Двух догмах эмпиризма» (см., например: [Куайн, 2003]) полностью разрушают любые представления о каком-либо априорном обосновании дескриптивной теории указания, а как эмпирическая гипотеза она может иметь лишь узкую область применимости, в том числе, ограниченную имеющимися эмпирическими метафизическими представлениями. Таким образом, конструктивизм в целом (рассуждения в отношении эпистемологической трактовки аналогичны), как определенный методологический подход к анализу философских проблем, оказывается плохо обоснованным. С одной стороны, мы не можем говорить о его априорном обосновании, а с другой – его эмпирическое обоснование (если, например, мы уже перешли к натуралистической перспективе) не отвечает исходным требованиям полноты притязания.

Скептицизм, в данном случае, также является следствием неправильного направления рассуждений: от априорных эпистемологии и семантики к априорной метафизике.

Натуралистический поворот и научный реализм

Одно из основных преимуществ (и достижений) лингвистического поворота – кажущаяся простота и понятность представления об онтологических допущениях, формируемых теорией. Однако теперь, если мы не можем просто обратиться к теории указания для того, чтобы задать онтологические допущения, то каким образом это можно сделать, не нарушая идеологии натуралистического поворота? Согласимся с тем, что «в большинстве случаев, решение онтологических вопросов, как правило, зависит от индивидуальных предпочтений, а также политических и социальных установок в заданном научном сообществе» [Stich, 1996. P. 70]. В то же время необходимо как-то исключить возможность социального конструктивизма.

Стефан Стич [Stich, 1996] приводит оригинальный пример, иллюстрирующий то, каким образом на уровне психологического восприятия действительности мы убеждаемся в том, что нечто не существует. Пусть есть объект F , для которого некоторое свойство G является необходимым (нечто не может быть F , если не обладает свойством G). О чем будет говорить невозможность регистрации G ? В данном случае крайне важным будет наличие некоторого эссенциалистского допущения в отношении F . С. Стич приводит в пример тех, кто верит в ведьм, но таких, которые «не заключают договор с Дьяволом и не практикуют черную магию или не летают на метле» [Ibid. P. 68–69]. При этом у нас нет ни одного непротиворечивого примера «ведьмы». Однако «справедливым остается одно, что отрицающие существование ведьм в принципе не смогут познать их природу» [Ibid.]. Дело в том, что мы не сможем убедиться или не убедиться в существовании F , если не предположим существование F . И здесь преимущество натуралистической перспективы очевидно. Обращаясь к истории развития научных представлений о мире, мы не удив-

ляемся, что паровоз не перестал двигаться от того, что мы отказались от описания тепловых явлений в терминах «теплорода». Несмотря на значительные успехи в понимании структуры атома, мы не отказались от существования объектов, постулированных Н. Бором и Э. Резерфордом. Мы можем ошибаться относительно природы F , но не относительно факта существования F , например эмпирического факта существования явлений теплопередачи или дефекта масс, поскольку информация об этом факте получена в результате работы «основания натурализации» (в данном случае вопрос выбора «основания натурализации» является внешним).

Подчеркнем еще раз основную мысль статьи. Одна из главных установок натуралистического поворота состоит в том, что *сам факт того, что у нас нет адекватных эпистемологических или семантических представлений для того, чтобы с их позиций в достаточной степени обосновать онтологические допущения, еще не говорит о том, что последние плохо обоснованы.* Суть тезиса – «поставить метафизику вперед» – состоит в том, чтобы закрепить надлежащее отношение между онтологическим, семантическим и эпистемологическим тезисами и заблокировать возможный скептицизм, следующий за сомнениями, что обращение к эпистемологии или семантике может разрешить вопросы существования. У нас нет оснований выбрать конструктивизм. Вместо того чтобы следовать от эпистемологии и семантики к онтологическим допущениям, нужно, наоборот, использовать онтологические допущения для проверки эпистемологических и семантических тезисов, поскольку их нельзя обосновать априорно (У. Куайн), а также в силу того, что степень

их эмпирического обоснования ниже, чем степень обоснования онтологических допущений, которые сами стремятся опровергнуть указанные тезисы, столкнувшись с непреодолимой пропастью между чувственным и рациональным.

Список литературы

Головко Н. В. Натурализация эпистемологии и основные аргументы против научного реализма. I. Скептический аргумент // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Философия. 2007а. Т. 5, вып. 1. С. 8–13.

Головко Н. В. Натурализация эпистемологии и основные аргументы против научного реализма. II. Недоопределенность и (мета)индукция // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Сер. Философия. 2007б. Т. 5, вып. 2. С. 9–16.

Куайн У. С точки зрения логики. Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 2003.

Devitt M. Realism and Truth. Princeton: Princeton Univ. Press, 1997.

Kitcher P. The Naturalists Return // Philosophical Review. 1992. Vol. 101. P. 53–114.

Ladyman J. Every Thing Must Go. Oxford: Oxford Univ. Press, 2009.

Laudan L. A Confutation of Convergent Realism // Philosophy of Science. 1981. Vol. 48. P. 19–49.

MacBride F. Speaking With Shadows: A Study of Neo-Logicism // British Journal for the Philosophy of Science. 2003. Vol. 54. P. 103–163.

Stich S. Deconstructing the Mind. Oxford: Oxford Univ. Press, 1996.

Материал поступил в редколлегию 20.09.2010

N. V. Golovko

NATURALISTIC TURN: PUTTING METAPHYSICS FIRST

The paper aims to illustrate one of the main features of the naturalistic turn – overcoming of the sceptic's challenge by «putting metaphysics first» (M. Devitt). The sceptic's argument is viewed as a consequence of the wrong direction of thought from a priori epistemology and/or semantics to a priori metaphysics. The naturalistic turn gives us a chance to give up the sceptic's argumentation by allowing to argue from empirical metaphysics to empirical epistemology and/or semantics. Various examples of the advantage of the naturalized view are given. In particular, it is shown how to avoid scepticism, which is a follow-up of the indetermination and underdetermination problems and constructivist ideology.

Keywords: naturalistic turn, scepticism, semantic priority, underdetermination, constructivism, realism.